

5. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.

6. Брагина, Н.Г. Память в языке и культуре / Н.Г. Брагина. – М. : Языки славянских культур, 2007. – 520 с.

7. Henry, G. Petit dictionnaire des lieux qui racontent l'histoire / G. Henry // Introduction. – Paris : Tallandier, 1998. – P. 11–16.

8. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов : дис. ...канд.филол.наук: 10.02.19 / Г.Г. Слышкин. – Волгоград, 1999. – 177 с.

К ПРОБЛЕМЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА БИБЛЕЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Куделич Г.П., преподаватель кафедры романских языков ФМО БГУ

Выгоды межкультурной коммуникации общеизвестны: возможности приобщения к мировому культурному богатству, к новейшим техническим достижениям, к новым идеям социального развития. Опасения по поводу утраты собственной культурной самобытности не нашли исторического подтверждения, исключение составляют лишь случаи насильственной ассимиляции. Очевидно, что на сегодняшний момент межкультурная коммуникация – это не просто необходимость, а неотъемлемый компонент для обеспечения успеха как внешней, так и внутренней политики государства.

Построение успешной межкультурной коммуникации должно строиться с учетом того обстоятельства, что это «один из наиболее сложных видов коммуникации, поскольку на пути взаимопонимания здесь стоят: языковой барьер (до 90% культурных связей, в той или иной мере носят вербальный характер), когнитивный барьер (различие в понимании и интерпретации одних и тех же понятий), ценностный барьер (различие в культурной иерархии тех или иных ценностей) и барьер социального опыта (различия в исторической судьбе народов, формирующее разное отношение к одним и тем же социальным коллизиям)» [1, с. 176].

Главенствующая роль естественного языка в акте социальной коммуникации обусловлена его природой – это универсальная оболочка для выражения смысла, максимально удобное и доступное средство общения. «Потому в пространстве природных и культурных семиотик язык выполняет посреднические функции (связующие, переводческие, образовательные, метасемиотические)» [2, с. 44].

Более того, в семантической системе языка помимо простых номинативных единиц существуют единицы более сложного порядка –

устойчивые выражения или фраземы. Внимание исследователей к этому классу языковых единиц не в последнюю очередь вызвано тем, что «система образов, закрепленных во фразеологическом составе языка, служит своего рода «нишей» для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях» [3, с. 215].

Особенно пристально фразеологизмами как отражением культурных традиций занимаются лингвокультурология и лингвострановедение, однако обе дисциплины идут по пути выявления специфически национального, местного в значении фразем. Сопоставление «картин мира», заданных фразеологией сравниваемых языков (это могут быть представления о человеке, природе, судьбе) также вызывает живой интерес у современных ученых.

Одновременно с этим оформился вопрос об источнике культурных эталонов и прототипических представлений, отразившихся в языковой материи. Многие ученые придерживаются мнения, что именно «из мифолого-религиозного сознания развилось все содержание человеческой культуры», «это общий родник самых глубоких и жизненно важных смыслов общественного сознания» [4, с. 36]. В этой связи для славянских народов и народов Запада особенно значимым оказалось культуурообразующее влияние христианства. Конечно, христианство возникло на Ближнем Востоке, и текст Библии хранит многие мировоззренческие концепты, свойственные восточным народам, но большинство из них циркулируют в культуре в переосмысленном виде.

Принимая во внимание общее христианское наследие в языках европейских стран, не стоит, тем не менее, надеяться, что устойчивые выражения библейского происхождения будут демонстрировать определенное единообразие в языках. Напротив, у каждого из отдельно взятого народа своя история взаимоотношений с текстом Библии, что решающим образом повлияло на становление литературного языка, который в результате творческой спонтанности людей воспринял из Писания те или иные языковые формы. Именно эта избирательность народа интересна с точки зрения лингвокультурологии, поскольку позволяет надеяться на раскрытие неких мировоззренческих доминант. А для лингвистической проблематики при сопоставлении фразеологического фонда языков важны вопросы, которые были сформулированы В.Г.Гаком. «На первом этапе ФЕ (фразеологические единицы) рассматриваются в аспекте содержания, значения. Выявляется, имеются ли ФЕ с данным значением в обоих языках. На дальнейшем этапе исследуются только ФЕ одинакового значения, представленные в обоих сравниваемых языках.

На втором этапе анализируются расхождения и схождения аналогичных ФЕ в их внешней форме. Различия могут касаться лексической и грамматической структуры фразеологизмов. На третьем этапе ФЕ сопоставляются с точки зрения их внутренней формы. Четвертый этап посвящен анализу соотношения между формой и содержанием алогичных ФЕ в двух языках. Наконец, пятый этап касается функционирования аналогичных ФЕ» [5, с. 60–61].

Предложенная В.Г. Гаком парадигма исследования актуальна до сих пор, она позволяет избежать ошибок, вызванными обманчивым внешним сходством выражений, а также верно оценить их стилистическую окраску, ведь нельзя забывать, что «основной функцией фразеологизмов, составляющей их *raison d'être*, является функция образно-экспрессивной характеристики» [6, с. 32].

Не подвергнув библейские выражения лингвистическому анализу, мы можем столкнуться с «ложными друзьями переводчика», когда аналогичная по форме идиома имеет семантические различия в двух языках. Например, *l'abomination de la desolation* (Мф. 24,15) и мерзость запустения. Если русский фразеологизм обозначает прежде всего «запустение, разорение», то смысл французского аналога «великий грех, скандальное явление» (иногда с оттенком иронии). Всем известная идиома блудный сын также не схожа по внутренней форме с французским устойчивым выражением *le fils prodigue*. Напомним, это наименование младшего сына из евангельской притчи (Лук 15, 11–32), который оставил отчий дом, отправился бродяжничать, кутить, промотал свое состояние. В русском языке он назван по первому признаку, а во французском по второму, что буквально означает «сын-расточитель».

Важно помнить, что зачастую в процессе фразеологизации происходит семантическая трансформация слов, анализ денотативного значения компонентов не раскрывает смысл фраземы. К примеру, выражение *marques de Judas*, истолкованное дословно, будет переведено как 'метка, клеймо Иуды', что сразу вызывает ассоциации с предательством и вероломством. Однако во французском языке этот оборот означает 'веснушки'.

Один из основополагающих принципов успешной коммуникации – это принцип достоверной передачи информации. Внимательное отношение к, казалось бы, общему культурному наследию в языках, сформированному Библией, сопоставительный лингвистический анализ библейских выражений, позволит правильно «декодировать» и «закодировать» иноязычные тексты, не только обеспечив сохранность передаваемой информации, но также сделав межкультурную коммуникацию максимально эффективной.

Список источников

1. Флиер, А.Я., Полетаева, М.А. Общекультурная компетентность : учебно-методический комплекс / А.Я. Флиер, М.А. Полетаева. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2010. – 390 с.
2. Мечковская, Н.Б. История языка и история коммуникации : от клинописи до Интернета / Н.Б. Мечковская. – М., 2009. – 584 с.
3. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
4. Мечковская, Н.Б. Язык и религия / Н.Б. Мечковская. – М. : Агенство «ФАИР», 1998. – 352с.
5. Гак, В.Г. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библеизмами) / В.Г. Гак // Вопросы языкознания. – 1997. – №5. – С.55–65.
6. Назарян, А.Г. Фразеология современного французского языка / А.Г. Назарян. – М. : Высшая школа, 1987. – 288 с.

ОБУЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОМУ ПИСЬМЕННОМУ ОБЩЕНИЮ В ПАРАДИГМЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Лущинская О.В., к. пед. н., доцент, зав. кафедрой английского языка и речевой коммуникации Института журналистики БГУ

Умение общаться на иностранном языке предполагает способность продуцировать устные или письменные сообщения (тексты) в соответствии с лингвистическими особенностями, нормами и правилами данной языковой системы. Кроме того, это также знание реалий и характеристик другой языковой картины мира и способность адекватно использовать иностранный язык с учетом ситуации общения и ее экстралингвистических особенностей, а также знание самого процесса коммуникации и его составляющих. По-другому, это владение межкультурной компетенцией или, как некоторые исследователи называют ее, межкультурной коммуникативной компетенцией (В.П. Фурманова, И.А. Голованова и др.).

В содержательном плане межкультурная компетенция объединяет целый комплекс знаний и умений, таких, как, например, умения оперировать знаниями о системе изучаемого языка в процессе коммуникации, а также фоновыми знаниями своей культуры и иноязычной культуры; умения интерпретировать явления иной культуры с позиции ее представителей, воспринимать и понимать другую ценностную систему; умения общаться с носителями иного языка, иной культуры, осознавая при этом различия в использовании средств иностранного языка в зависимости